

НАСЛЕДСТВО

Рассказ

Исидору Ивановичу Гринуйкину, мелкому чиновнику, мужчине тихому, тщедушному и слабому здоровьем, неожиданно повезло. Он унаследовал состояние недавно умершей троюродной тётушки-генеральши Аврелии Назаровны Зыковой. Детей Зыковым иметь не привелось, сам генерал давно отошёл в мир иной, оставив вдове приличную пенсию и небольшой капиталец.

После смерти мужа прежняя квартира стала для генеральши велика, и она решила съехать.

Уволив всю челядь и сослав денщика мужа за ненадобностью в деревню, прихватив с собой только горничную и кухарку, вдова поселилась на Васильевском, заняв небольшие апартаменты в верхнем этаже одного из доходных домов княгини NN.

Со временем квартирка, в которой обжилась генеральша, показалась ей тесной и тёмной. Тогда-то Аврелии Назаровне по случаю удалось выкупить у княгини NN весь этаж. Находящиеся в нём освободившиеся две квартирки генеральша соединила внутренней анфиладой, а внешне отставила все, как есть.

Получились просторные апартаменты с тремя отдельными входами на одной площадке, украшенной старинными зеркалами. Латунные таблички с именами прежних жильцов с дверей, то ли по забывчивости, то ли по какой другой причине, убраны не были. Так и остались тускло поблёскивать при свете подвесного лестничного фонаря.

Произошёл этот уговор незадолго до кончины самой княгини NN, дела которой, как сообщали «Невские ведомости», пришли в полное расстройство.

Причиной тому был сам князь NN. Он, не задумываясь, разбрасывался жениными деньгами, зимой ездил в Ниццу, откуда до Монако рукой подать, оставлял там тысячи рублей на «Колесе удачи» и возвращался подчас за чужой счёт в холодный и серый Петербург. Прокутив с актрисками проиграв в бридж большую часть состояния своей супруги, он загнал её в гроб.

Когда супруги не стало, пришлось вести длинные, изнуряющие князя беседы с управляющим делами княгини, который отчего-то никак не хотел давать денег, а потом и вовсе принять горькую пилюлю разочарования. Состояние промотано, денег нет, и что ещё хуже, остались векселя заложенного-перезаложенного имущества. Доходные дома давно перестали приносить прибыль. Из-за запущенности и отсутствия починки в них больше не селились приличные господа, а те, что там жили, платили мало и нерегулярно.

Тогда князь NN велел доставить ему список жильцов и решил сам потребовать с задолжников плату. Вызвано такое решение было ещё и тем, что накануне намечалась большая игра заезжего киевского гастролёра, настоящего «Рыцаря зелёного сукна», пропустить которую князь, страстный поклонник бриджа и покера, никак не мог.

Его тонкие ноздри уже вдыхали терпкий запах краски свежесрезанной колоды, а ловкие кожные пальчики, дрожа от возбуждения в предвкушении шелковистой карты, выстукивали тремоло на инкрустированной крышке золотого портсигара.

Для игры нужны были деньги и очень большие.

И князь, словно решил добыть их непременно.

Просмотрев списки и обнаружив в них фамилию генеральши Зыковой и ещё двоих, напротив которых стояли какие-то особенные закорючки, князь принял их за самых крупных должников и решил немедленно отправиться по указанному адресу.

Прихватив с собой нетрезвого околоточного, сообщившего ему печальную весть о недавней кончине Аврелии Назаровны Зыковой, на похоронах которой сам присутствовал, и о проживании в её апартаментах некой персоны мужского пола, князь отправился к дому на Васильевском острове. «Ничего, ничего»,-думал он. – Стрясу я с этой персоны, кем бы она ни была, должок с процентами».

Но оставим князя на пути к закономерному финалу и вернёмся к тишайшему Исидору Гринуйкину.

Исидор Иванович Гринуйкинне верил своему счастью. Троюродная тётка, дама скуповатая, не слишком его жаловала. По большим церковным праздникам на Гороховую, в крохотную комнатёнку, где жил троюродный

племянник, посылала горничную с гостинцем и пятью рублями на именины. После такого благодетельствования общение дальних родственников прекращалось до следующих праздников и именин.

Жалование у мелкого чиновника Гринуйкина было мизерное, его хватало лишь на оплату жилья и скромную еду. Тёткину пятёрку он берёт и тратил в том случае, если уж платье совсем сносилось или сапоги прохудились.

Незадолго до тёткиной кончины он справил сюртучишко и тщательно берег его, одевая только на службу. В права наследства, по разъяснению стряпчего, Исидор Иванович мог вступить по истечении 6 месяцев в том случае, если выяснится, что на тёткино наследство нет других претендентов. А вот комнатёнку на Гороховой ему было позволено оставить и переселиться на Васильевский в апартаменты.

Туда он и пришёл после похорон Аврелии Назаровны, заледеневший на ноябрьском ветру в своём сюртуке, в ожидании окончания отпевания и предания тела земле. Кухарка недоверчиво подала ему горячего чаю, попросить большего Гринуйкин постеснялся. Осенний холод дал о себе знать, и наутро Исидор Иванович проснулся больным. Кухарка готовила какое-то питье, постепенно привыкая к новому жильцу, а горничная, видя, что у Гринуйкина нет никакой другой одежды, кроме той, которая на нём, подала ему тёплый подбитый ватой халат генеральши Зыковой и ковриковые шлёпанцы. Так он и ходил по дому в женской одежде, сберегая свой единственный сюртук и потёртые брюки.

Через день лицо и шею чиновника обметало чирьями, и он послал предупредить, что болен и на службу не придёт. Вернувшаяся горничная принесла из ближней аптеки какую-то белую мазь против воспалённой кожи и передала записку аптекаря, в которой указывалось, как ею пользоваться.

Отпустив за ненужностью горничную и кухарку, Исидор Иванович сел перед зеркалом и принялся мазать лицо и шею белой смесью, предварительно надев на себя тёткин капот, а на волосы – старушечий чепец. Закончив процедуру, он переместился в кресло, придвинул свечу к начатой книге и принялся читать.

В это время у двери квартиры кто-то задёргал верёвку колокольчика. Гринуйкин взял подсвечник и, освещая себе дорогу, пошёл открывать. Лучи лестничного фонаря тоскливо плутали по стене, усиливая сумрак.

На тёмной площадке лестницы стояли двое, на одном из которых Исидор Иванович разглядел форменную одежду околоточного. «Чем обязан?» – спросил Гринуйкин сиплым простуженным голосом. Околоточный вытаращил глаза, потянул за рукав стоявшего с ним рядом господина. Тыча пальцем в проём двери и тряся головой, он сдавленно зашептал: «Старуха!»

Ничего не понимая, Исидор Иванович закрыл дверь и направился было в комнаты, как вдруг услышал стук в другую дверь, находящуюся рядом. Все с тем же «Чем обязан?» Гринуйкин отворил её и услышал сдавленный голос крестящегося околоточного: «Привидение! Свят, свят, свят!»

Тут Исидор Иванович уже рассердился и с силой захлопнул дверь так, что фитиль лестничного фонаря задрожал и погас. Оказавшись в темноте, визитёры с воплями кинулись к третьей двери и изо всех сил замолотили в неё кулаками и ногами. Дверь отворилась. Перед князем и околоточным предстала старуха Зыкова и злобно зашипела: «Что надо?»

Свеча и наполовину освещённая фигура Гринуйкина с белым лицом, многократно отражалась в лестничных зеркалах, создавая устрашающий лабиринт смерти.

Не чуя под собой ног, незваные гости кинулись вниз по лестнице, обгоняя друг друга, теряя на ходу шарфы и головные уборы. Через несколько минут двери парадного захлопнулись и наступила полная тишина.

Говорили, что князь NN бросил играть, неожиданно уехал в деревню и больше никогда не показывался в Петербурге.

Околоточный перестал пить и упрямил начальство, не объясняя причины, перевести его с Васильевского на Петроградскую, подальше от проклятого дома.

Исидор Иванович поправился, через полгода был признан единственным наследником состояния генеральши Зыковой, оставил службу и даже подумывает о женитьбе.